

Шевкет Кешфидинов

Художник, прозаик, критик. Родился в 1991 году. Главный редактор сетевого издания «Культурная Хроника» (2014). Публиковался в журналах «Знамя», «Юность», «Урал» и других.

Экзамен

По скверной дороге в старой части города плелся пожилой мужчина: пальцы в краске, берет набекрень.

— Зачем я согласился? Все эти искусства, эти гении начинающие...

Слева от него показался забор, за которым сквозь зеленую хвою арабской вязью проступила мечеть.

— Ужасный город. Чужой. Навсегда чужой, — бормотал старик.

По просьбе ученицы он согласился посмотреть работы ее студентов. На экзамен шел без завтрака, но успел принять чарку. В животе у него урчало. Настроение было упадническое. Но, когда мимо промаршировали призывники, старик вспомнил свои армейские годы на родном севере, самые счастливые годы в его жизни, и повеселел. Он остановился около палатки, купил жалкое подобие беляша и, жуя, бодро дошел до Института искусств.

— Лев Михайлович! Лев Михайлович!

Навстречу выбежала его ученица Алиешка. Молчаливая красавица с раскосыми глазами, за которой по молодости лет увивались самые видные женихи. Невзирая на обещанные золотые горы в заморских краях, эта наивная дурочка выбрала чудака-музыканта и осталась в Симферополе; сама она называла город — Акъмесджит. Теперь прозябают оба. Он калымит уроками игры на скрипке. Она за копейки работает в институте. За себя постоять ленилась, но, если речь заходила о студентах, носом землю рыла. Такое доброкачественное упрямство у некоторых вызывало уважение, у остальных — бешенство.

Пока Лев Михайлович размышлял о судьбе Алие, рядом затормозило такси цвета яичницы. Из машины выплыл другой его ученик. Звали его Владимир. Это был высокий человек с постоянно блестящим лбом, маленьким пухлым ртом и неподвижными глазами. Терпкий парфюм и рост — только это и хорошо в бывшем ученике. Слабо одаренный, зато бойкий и наглый, он служил ныне в Союзе художников секретарем. При виде помятого учителя Владимир понимающе заулыбался.

— Алиешка, — старый живописец дыхнул коньячком, — сам секретарь Союза художников пожаловал! Предупредила бы! Я галстук намотал бы.

— Я сама только с утра узнала, — прошептала Алие, взяв старого учителя под руку. — Что с голосом? Простудились?

— Хм. Да, схватил насморчек.

— Доколе вы на меня дуться будете, дражайший Лев Михайлович? — заговорил Владимир. — Ну, правда! Ну, не я определял лауреатов той премии, не я...

— Как в ваш занюханный музей шедевр задаром — так это к Михалычу. Как денег за пятьдесят лет работы выдать — так вроде и нет меня. Не нашему носу рябину клевать: эта премиальная ягода нежная...

— Чего вы от меня хотите, любезный Лев Михайлович? — нарочито тихим голосом спросил Владимир. — Извинений? Простите, мол, отец родной, что вы меня свиньей родили?

— Пошел ты, сынок.

Владимир снова понимающе заулыбался. Алие не вмешивалась в спор. Она поправила берет Льва Михайловича и вежливо подтолкнула обоих приглашенных на второй этаж, где ждали студенты.

В аудитории нечем было дышать. Пятнадцать ребят при виде учителя мгновенно прекратили галдеть. Алие прошла через всю комнату и распахнула настежь окно. На секунду замерла, вдыхая цветущий воздух мая. Вид из окна портила уродливая многоэтажка, но Алие любила этот город, даже с уродливыми многоэтажками. С трудом скрывая волнение, девушка пригласила учителя и бывшего однокурсника оценить работы студентов.

Рисунок традиционно был слаб. Там, где просматривалась уверенность линии, угадывалось вмешательство педагога. Это тут же лукаво заметил Лев Михайлович. Владимир согласно закивал. Акварельные натюрморты были не в пример лучше. Что понравилось без обиняков, так это этюды. Здесь при сильном желании можно было разглядеть нежно-розовую глазурь фрагонаровских оттенков, оценить тициановское сближение кроваво-красных и винно-красных цветов, отметить спор Веронезе с желто-зеленым и жестким синим...

Лев Михайлович бродил по аудитории и про себя рассуждал: «Непрерывная традиция — хребет искусства. Я передал секреты мастерства Алие, за это же Алие сегодня бьется с учениками...»

— Ну, когда проекты инсталляций смотреть будем? — потирая ладони, нетерпеливо поинтересовался Владимир.

Лев Михайлович скривился. Он запомнил, что, кроме академического просмотра, его ждет испытание современным искусством.

— Лучше акварели смотри. Ты так не умеешь.

— С учителем не повезло. Преподавала бы мне Алие, глядишь, и научился бы.

— Тебя, нечестивец, сам Чистяков не научил бы!

— Как выяснилось, слава Богу! Ведь арт-рынку не нужны эти бидоны и цветочки. Так что давайте инсталляции. Говорят, у тебя учится Лера Хомякова, дочь председателя Союза художников?

Алие не расслышала вопроса. Пока она еще раз объясняла студентам порядок представления проектов, Лев Михайлович зло косился на бывшего ученика.

— В современном искусстве одна спекуляция. Это не творчество, это продукция без какого-либо знака качества!

— Успокойтесь, учитель. Все имеет место быть.

— Болтать вы все горазды! Конечно, поднаторели! В вашей области легко безнаказанно молоть языком. А вот старое искусство...

— Старое искусство оставим для стариков. Друзья! Показывайте, что сделали. Кто из вас Хомякова?

Из толпы выступила чуть зардевшаяся студентка. Как выяснилось, девушка подготовила академическую часть, но не была готова с проектом инсталляции. По гамбургскому счету ей грозил «неуд». Владимир машинально просматривал проекты и лихорадочно думал, как выйти из положения. Он никак не мог допустить, чтобы дочка его начальника осталась в двоечниках.

— Увы, друзья. В вашем искусстве нет действия, одни разговоры, — безжалостно начал Владимир. — Я очень жалею тех из вас, кто имеет подлинное художественное начало в своей натуре. Вам очень трудно здесь работать. Вторичность, имитация, натиск ненастоящего — это нарушение законов самого искусства!

— Поток слов при запоре мысли...

— Прямо-таки.

— Разве нет? Мне кажется, или ты начинаешь защищать академическое искусство?

— Настоящее искусство не нуждается в защите! Посмотрите на эти акварели. Деточка, — обратился Владимир к Хомяковой, — покажи, где

твои работы? Посмотрите, Лев Михайлович! Посмотрите все! Ведь на лицо талант! Я думаю, что Алие Юсуфовна, выставяя оценки, должна опираться, прежде всего, на академические постановки. На академические постановки!

— Ну уж нет! — топнул ногой Лев Михайлович. Он догадался, к чему клонит бывший ученик. — Представленные акварели, будем откровенны, невразумительны. Но это и понятно! Девчонке нечего стыдиться! Освоить за один курс такую науку не каждому дано. Мы не можем довольствоваться скороспелой ерундой, рожденной полутрудом. Гораздо важнее, умеют ли студенты думать? Ответ на этот вопрос мы видим в проектах инсталляций. Наш долг помочь и поощрить авторов. Алиеша, выставяй оценки, опираясь на инсталляции, или как их там... Помочь и поощрить! Наш долг!

— Долг? Чувство долга способно породить уродства, которые не способны породить многие другие вещи с более страшными названиями. Вот ты, деточка, — Владимир приобнял Леру Хомякову, — что думаешь на этот счет?

Студентка освободилась от объятий и с вызовом оглядела присутствующих.

— Мой папа-электрик говорит: «Когда не знаешь, что делать, режь провода».

— Что ты говоришь, глупышка? Твой папа выдающийся, можно сказать, великий наш современник. Художник с большой буквы! Он таких шуток, знаете ли...

Алие попыталась успокоить Владимира, подавала знаки, но он их не замечал. Студенты хихикали и прятались за спины друг друга. Чем вышееннее становился тон секретаря Союза художников, тем откровеннее становился студенческий ржач.

— Теперь поняла! Вы меня с Леркой Хомяковой, которая на дизайнера учится, путаете. Это у нее папа в Союзе председательствует. А мой папаша провода в местном ЖЭКе режет.

— Как вы сказали? — растерянно переспросил Владимир, промокая носовым платком мокрый лоб. — Провода в местном ЖЭКе режет?

— Режет, пан секретарь, режет, — девушка доверительно похлопала секретаря Союза художников по плечу.

Владимир насупился и тут же направил свой гнев на Алие.

— Значит, вот ты как, бессовестная татарка! Хорошо, ладно. Да, вот, что нужно сказать. Плохо склеенные в одно целое осколки нового и старого не составят современного искусства. Но именно к нему, к современному искусству, мы все должны стремиться! Бросьте эти акварели! Выкиньте никому не нужные слепки. Совершенство, законченность,

абсолютная продуманность всех средств — вот к чему нужно стремиться сегодня.

— Володька, извиниться бы не помешало.

— Искусство, Лев Михайлович, начинается с момента, когда открывается нечто, о чем раньше недостаточно знали!

— Не слышишь, что ли? Чего ты засуетился? Даже для выражения душевного смятения необходим душевный покой.

Владимир, чувствуя, что оскандалился, заругался самым пышным образом и устремился к выходу. Раскрасневшийся Лев Михайлович преградил ему путь. Всегда блестящий лоб Владимира заблестел еще сильнее. Он оттолкнул старика и выскочил в коридор. Старый живописец на секунду опешил, а затем, прокричав: «Не позволю!», побежал вослед.

В аудитории повисла тишина.

Ошеломленные студенты во все глаза смотрели на Алие Юсуфовну. Женщина какое-то время молчала, крутила в голове мелодию, которую сочинил для нее муж. Обычно он проигрывал этот мотив, когда они переставали понимать друг друга. «Сама виновата, что согласилась на встречу этих двоих. Обиделась ли на Владимира? Ни разу. Испугалась? Нисколечко. Прошли те времена, когда стоило бояться».

Она примирительно прижала к себе девушку, чью работу ошибочно приняли за другую.

— Сегодня не все готовы к экзамену. Приходите через неделю. А сейчас — идите работать.

Анатолий Слешков